

... Меня веди по длинному, скрадывающему звуку шагов бетонного коридору. За моей спиной молча шли три человека; никто из них не пронорил ни слова, но я знал, куда меня ведут. Знал с самого начала, с того самого момента, когда открылась дверь камеры и кто-то невидимый выкрикнул мою фамилию. Несмотря на тишину коридора, мои собственные шаги гремели так, как будто какой-то ненормальный шутник шёл рядом и ударял меня бубном по голове! В конце коридора замаячила дверь, гул от шагов стал стихать в голове, и я с облегчением увидел, как через щели неплотно прилегающего к косякам дверного полотна пробиваются полоски света.

Дверь открылась разом, так что я от неожиданности остановился как вкопанный. И прежде чем в голове мелькнула мысль о том, что надо бы идти, почувствовал сильный толчок в спину, который буквально выбросил меня из распахнутых дверей. Глаза к свету привыкли быстро— всё-таки в камере я пробыл всего несколько дней, пока шли какие-то разбирательства, а не сидел, как некоторые, месяцами, а то и годами.

Послышалась команда: «К стене!» Я усмехнулся и, осмотрев кирпичный «колодец», являющийся внутренним двориком большого здания, спросил, ни к кому, собственно, не обращаясь: «К которой стене-то? Вы к какой больше привыкли?» — «Она прямо перед тобой!»

Я пожал плечами и пошёл к выщербленной пулями кирпичной стенке. О том, что стена попорчена именно пулями, можно было определить сразу, так как в некоторых сколах красного кирпича матово поблёскивали кусочки свинца. Кто отдавал приказы и говорил со мной, я не мог понять, пытался определить, но ничего не получалось. Всегда выходило так, что когда я пытался разглядеть говорившего, рты у них у всех почему-то оказывались закрытыми. И мне даже казалось, что и ртов-то у них ни у кого не было!

Дойдя до стены, я развернулся и посмотрел на своих сопровождающих, которых почему-то стало уже пятеро, хотя, когда мы вышли на улицу, в этом дворике не было никого. «Отвернуться к стене!» — послышалась команда от кого-то из них.

Я опять усмехнулся: «Всё! Больше я ваши команды выполнять не буду. Я знал, для чего вы меня

сюда привели. И знал, почему вы собираетесь меня расстрелять. Вы хотите меня убить только за то, что я сын русского дворянина. А значит, и сам дворянин. А дворянам у вас веры нет! Вы по чьим-то извращённым понятиям считаете, что русский дворянин обязательно станет предателем родины! А в это тяжёлое для страны время и подавно побежит сдаваться».

Как в замедленной съёмке, я видел, как эти пятеро подняли ставшие почему-то очень длинными винтовки, настолько длинными, что я увидел чёрные зрачки стволов буквально на расстоянии вытянутой руки от себя. Я ясно видел, как эти чёрные пятна подрагивают, словно от нетерпения. Как будто они хотят как можно быстрее выплюнуть в меня свинец и, выполнив эту важную работу, успокоиться и застыть в тревожном ожидании следующего выстрела.

Но вот гигантские стволы наконец замерли и, приблизившись почти вплотную к моему лицу, стали увеличиваться в диаметре. Они распозались в стороны, как чернильные пятна на промокашке. Они соприкасались между собой и поглощали друг друга до тех пор, пока не остался только один громадный срез ствола, перед которым я стоял, как перед тоннелем. Я судорожно втянул в себя воздух и вдруг понял, что, пока происходили эти оружейные метаморфозы, вокруг стояла оглушительная тишина.

Это была совершенная первозданная тишина, и когда послышался металлический грохот, очень похожий на ляг затвора, я понял, что вот сейчас из ствола вылетит гигантская пуля и расплющит меня. Но я ошибся: из чёрного тоннеля вырвалась не пуля, а ярко-красный сгусток, который охватил всё моё тело, а потом с невероятным грохотом взорвался в голове...

Я сидел на кровати и, тяжело дыша, смотрел в окно, за которым на столбе висел фонарь. Он, покачиваясь, разбрасывал по комнате быстрые тени.

— Ты чего так подкинулся? С тобой всё в порядке? — раздался сонный голос жены, и она, сев рядышком, погладила меня по спине.

— Всё в порядке, родная, ложись, — пробормотал я. — Просто сон неприятный приснился. Спи.

Тревожные ощущения, навеянные сном, развелись быстро. Не успел я прибыть на работу, как начался обычный для отделения уголовного розыска «дурдом», который очень быстро вправил мне мозги и наставил на путь истинный. А через пару дней я уже совершенно забыл о ночном кошмаре.

Рабочий день закончился, и служивый народ дружно топтался под большим навесом, укрывающим входную дверь в отдел полиции от непогоды. Шёл дождь, и не просто дождь, а сильный дождь, и все, у кого по глупости не оказалось зонта, с завистью смотрели на обладателей оных, которые гордо скакали по лужам — кто к своей машине, а кто на автобусную остановку. Я тяжело вздохнул: моя машина стояла метрах в двухстах, а зонта у меня не было. Бегать под дождём совершенно не хотелось, а то, пока доберусь до машины, промокну насквозь. Решил подождать.

Мне повезло, дождь вскоре прекратился, и я, не особо-то и торопясь, добрёл до машины, успел даже сесть и завести двигатель, как непогода разыгралась с новой силой. В салоне было тепло и уютно от работающей печки, окна «затянуло», и я оказался в своём маленьком мирке, в котором меня никто не беспокоил. Откинув спинку кресла, поудобнее устроился и, прикрыв глаза, начал слушать, как по крыше машины топчутся беспокойные капли.

...Теплушку болтало как ненормальную, и я в который раз уже удивился этому. Ну да, можно сделать скидку на то, что до войны мы ездили в пассажирских вагонах, которые были не такие разболтанные и расхлябанные. Да, и на это надо было сделать скидку, и на то, что чинить подвижной состав в военное время просто было некогда. Я вздохнул. Всё это, конечно, понятно, но я просто не ожидал, что будет болтать так, что, если не держаться за стенки, можно и свалиться.

«Толик! Хватит там торчать!» — услышал я чей-то голос, но не придал этому значения. «Толь! Давай иди сюда, обедать пора! Отцепись ты от этого бревна!» — уже совсем рядом раздался тот же голос, и кто-то потербил меня за рукав гимнастёрки.

Но я уже перестал обращать на это внимание. Откуда-то спереди, от головы состава, на меня накатывала волна тревоги. Я перегнулся через брус, перегораживающий широкие двери теплушки, и, шуря от встречного ветра, стал внимательно всматриваться вперёд. И я увидел их. Две точки, которые, быстро увеличиваясь в размерах, гнали перед собой волну страха. Пара фронтальных бомбардировщиков! Они шли в лоб составу, и я понял, что даже если мы сейчас начнём тормозить, останутся эшелон всё равно не успеет.

И тогда состав начал набирать ход, а навстречу самолётам потянулись хиленькие пулёмётные

трассы, которые явно не могли остановить несущуюся навстречу поезду крылатую смерть. Однако пулёмётчики свою работу выполнили! От их светлых, прочертивших серое небо полос самолёты, ощерившись свастикой, шарахнулись в разные стороны. В последний момент я успел увидеть, как они, поднявшись выше, пошли на очередной заход, но уже с хвоста поезда. На меня вновь накатила холодная волна страха, но я, выдержав характер, стал смотреть, как один из самолётов, завершив разворот, начал быстро догонять несущийся уже на большой скорости состав.

Грохот стоял неимоверный, вагон швыряло так, что на ногах уже никто и не пытался устоять. И сам я стоял только потому, что крепко держался за дверную перекладину. И вдруг наступила тишина. Перестало болтать теплушку, и даже лесок, мимо которого мы проезжали, замер размазанной серо-зелёной стеной напротив открытых дверей вагона. И тогда я увидел её! Это была авиабомба! Она падала из серой мглы, как будто бы её родило неприветливое небо и за ненадобностью избавилось от столь опасного дитяти. Пришла спасительная мысль, что наш вагон наверняка успеет проскочить под ней. Скорость у поезда большая, мы успеем, успеем!..

Но мы не успели. В давящей на мозг тишине бомба приблизилась и, зависнув прямо над крышей нашей теплушки, начала медленно на неё опускаться, увеличиваясь в размерах. Я отцепился от перекладки и, чтобы избавиться от страшной тишины, зажал ладонями уши. Не помогло, тишина продолжала грохотать в моей голове, и тогда я закрыл глаза, но, несмотря на это, к своему ужасу, прямо сквозь веки увидел, как посредине увеличившейся до размеров вагона бомбы появилась ярко-красная полоса, которая рывком выплеснула на меня и на замерший во времени вагон красный стусок пламени!..

Тихо урчал прогретый двигатель, а я сидел, тупо уставившись в лобовое стекло, и, несмотря на то что в салоне было тепло, чувствовал, как по телу пробегают неприятные холодные мурашки. Потом выбрался из машины, передёрнулся от прохладного воздуха и, окончательно придя в себя, опять забрался в машину и направился домой.

— Слушай! А может, ты того — рехнулся?! — с азартом предположила жена, узнав о моей очередной смерти. — Ну а что? Работа у вас идиотская! Вот и сами вы понемногу становитесь... того!..

— Да ну тебя! — отмахнулся я.

— А может, ты просто переутомился? У вас же почти всё время «усиленные варианты несения службы»!

— Да какое там переутомился! — фыркнул я. — К судорогам руководства мы уже давно притерпелись! И усиления проводим в каких-нибудь «засадах»!

или в кабинетах, совершенствуя мастерство в азартных играх.

— Ну, тогда не знаю. Может, тебя соответствующему доктору показать?

Я удивлённо уставился на неё.

— Ну а что?— понесло жену.— Тебя сразу же на гражданку отправят, дома чаще бывать будешь. Да и дети папу наконец-то в лицо запомнят!

К доктору, разумеется, я не пошёл, так как убийственные сны прекратились, и какое-то время жизнь катилась по накатанной, без особых потрясений.

..Надежда на то, что мы сможем форсировать реку потихоньку, в темноте, не оправдалась. Как мы ни старались соблюдать тишину и маскировку, фрицы нас всё-таки заметили! Заметили и отреагировали, качественно накрыв огнём весь участок переправы. Наше плавсредство могло выдержать шестерых, и вот теперь я стоял на коленях на наспех сколоченном из нескольких брёвен плоту и ожесточённо, изо всех сил, грёб обломком какой-то доски. Гребли все! Кто чем мог! Доской, прикладом, каской, сапёрной лопаткой. Гребли лихорадочно, выкладываясь по полной. Все мы понимали, что жизненно необходимо как можно быстрее пересечь эту реку смерти, которая лениво катила свои маслянисто-чёрные воды. Мне почему-то казалось, что эта проклятая река играет на стороне фашистов! Она как будто специально тормозила наш плот, вынуждая нас как можно дольше находиться на простреливаемом её участке.

Берег приближался. Свист пытавшихся нащупать нас пуль слился в один неприятный тонкий звук, который перемежался тяжкими взрывами, швырявшими вверх тонны речной воды, перемешанной с илом и обломками лодок и плотов. И среди этой поднятой вверх смеси страшно мелькали разорванные тела людей.

«Ребята! Давай поднажмём! Чуть-чуть осталось!»— услышал я сквозь грохот разрывов чей-то голос и, обернувшись на него, никого не увидел. Я остался один на своём плоту! Один! Не поднимаюсь с колен, быстро огляделся и вновь начал лихорадочно грести. Но уже через несколько секунд перестал размахивать своей доской и бросил её. Я почувствовал чей-то взгляд, тяжёлый, равнодушный взгляд. Такой взгляд нужно встречать только с автоматом в руках, и я, перекинув из-за спины на грудь ппш, уже сам стал вглядываться в близкий берег.

Он был там! Он ждал меня! Он сам поднялся мне навстречу! Тёмная безликая фигура выросла из влажной прибрежной земли и, отбрасывая в свете осветительных снарядов корявую тень, направила на меня что-то очень похожее на винтовку. И тогда, направив ствол автомата на эту тёмную фигуру, я нажал на спусковой крючок. В наступившей

вдруг тишине я видел, как устремились к ней выпущенные из автомата пули, как они летели, подскрекивая своими стремительными телами. Видел, как они, погружаясь в темноту зыбкого тела, заставляют его дёргаться и размахивать ставшими неестественно длинными руками. Автомат перестал вздрагивать— кончились патроны, но своё дело я сделал!

Тёмная фигура, распавшись на части, медленно завалилась в воду и растворилась, оставив на поверхности угольно-чёрное шевелящееся пятно. Терзающая разум тишина не отпускала, она нарастала и нарастала, и когда выносить её стало уже невозможно, я зажал уши руками и, задрвав голову, посмотрел вверх. И там, в подсвеченном мёртвым белым светом осветительных снарядов небе, увидел, как прямо на меня падает снаряд.

Он прилетел откуда-то издалека. Я знал это, так как на берегу не было сколь-либо серьёзной артиллерии. Это был мой снаряд, я сразу это понял, а когда понял, пришло облегчение! Исчезла мучительная тишина, и я, вздохнув полной грудью речной воздух, увидел, как снаряд, раскалившись докрасна, растёкся надо мной большой подрагивающей кляксой. Зрелище было завораживающее, и тогда, чтобы лучше рассмотреть это, я встал в полный рост. Как будто ожидая этого, одно из щупалец кляксы метнулось ко мне и, прикоснувшись к моему лицу, взорвалось с оглушительным грохотом, залив меня оранжевым огнём. . .

«Нда-а-а-а... недолго праздник продолжался...— вяло шевелилась в голове мысль, когда я среди ночи сидел на кухне и, не включая свет, маленькими глотками прихлёбывал горячий чай.— Опять, значит, началось! Выходит, зря я обрадовался тому, что не дурачок! А может, у меня действительно что-то с головой?» А с другой стороны, больным на головушку я себя совершенно не чувствовал. А если не чувствовал, значит, действительно здоров, и надо перестать заморачиваться по этому поводу.

Но, несмотря на принятое решение о своём душевном здоровье, соответствующему специалисту я всё же позвонил. Нашёл в Интернете солидную, внушающую нешуточное доверие рекламу и позвонил. Однако разговора не получилось. Обладатель приятного мужского голоса, ответивший на мой звонок, узнав, что мне снится сны военной тематики, с тревогой в голосе порекомендовал мне немедленно приехать к нему в офис. В офисе, в спокойной обстановке, мы должны будем заключить договор, для того чтобы он мог немедленно начать лечение моего больного сознания. Иначе я очень скоро закончу свою жизнь в психиатрической клинике. Продолжать беседу я не стал.

Сны мне стали сниться часто, в любой обстановке, где бы я ни засыпал! Вот и сейчас, чувствуя, что слипаются глаза, я повозился на надувном матрасе,

пристроенном под кустами, разросшимися возле реки. Устроился поудобнее и закрыл глаза.

...Взвизгнула сирена, и я, открыв глаза, тревожно огляделся. Всё! Прибыли на место, скоро прыжок. Следуя примеру своих товарищей, встал и, с трудом подавляя дрожь в ногах, приготовился. Перед прыжком я почему-то никогда не мог унять дрожь в коленях. Как бы ни старался, колени всё равно предательски подрагивали. Да! Я боялся! Все мы боялись! Это было видно по напряжённым лицам парашютистов. Моё лицо было точно таким же, я был в этом уверен. Мы боялись высоты, боялись того, что нас может ждать там, на земле. Да, мы боялись, но эти страхи были важны для нас только сейчас, в данную минуту, когда ничего ещё не началось. А когда дойдёт до дела, когда в уши ударит свист ветра, а потом и свист пуль,— вот тогда страх уйдёт! И останется только ненависть...

Довольно сильный рывок раскрывшегося парашюта, и я, поправив лямки подвесной системы, покачиваясь, стал опускаться в темноту. Здесь, наверху, ночь не была такой тёмной, как там, возле поверхности, и я начал повторять про себя: «Быстрее, быстрее, быстрее!..» Чем меньше мы находимся в воздухе, тем лучше.

Лучи прожекторов ударили сразу с нескольких сторон! Это произошло настолько неожиданно, что я чуть не вскрикнул. Нам не повезло! Очень сильно не повезло! По всей вероятности, кто-то из разведки что-то не доработал, и мы попались. Лучи прожекторов, как ненормально прямые щупальца, судорожно задёрнулись, выискивая цели. Нашли, и тут же к освещённым куполам парашютов тянули свои тонкие бледные пальцы трассера.

Как обычно, когда началась работа, страх пропал, и я, привычно освободив ППШ с рожковым магазином, стал бить короткими очередями в те места, откуда велась стрельба по десанту. Белой вспышкой по глазам ударил свет прожектора, и я ослеп! Я не видел ничего, кроме ярко-белого полотна, раскинувшегося перед глазами. Уже не было ночи, не было слышно грохота моего автомата. Не было слышно ничего! Казалось, что звуки сами по себе делятся на непонятные составляющие и затихают, уткнувшись в это слепящее белое нечто.

Я перестал стрелять и, растопырив пальцы, вытянул руку в сторону укрытой белым светом земли, как вдруг прямо из этого света вырвалась и начала подниматься к моей руке тонкая строчка красной пунктирной линии. Она приближалась медленно, как будто не хотела удаляться от светлой поверхности. Я знал, что это такое, и понимал, что если встречу с этой прерывистой линией—умру. Умирать мне не хотелось, и поэтому я попробовал выбрать группу строп, чтобы отойти в сторону!.. Но не смог даже пошевелиться, так и сидел в подвесной системе с вытянутой вперёд рукой.

Приблизившись ко мне, этот медленный трассер стал распадаться на сотни, тысячи красных точек, которые всё множились и множились, пока не заполнили своей краснотой всё вокруг: и далёкое небо, и залитую белым светом землю, и раскинувшийся надо мной купол парашюта. И вдруг я почувствовал, что начал падать прямо в это медленно пульсирующее красное пространство. Я закрыл глаза и тяжело вздохнул...

Открыв глаза, увидел, что ничего не изменилось: я лежал под кустом на своём матрасе. С другой стороны куста стояла палатка, возле которой чаёвничало всё моё семейство. Не торопясь, поднялся со своего надувного ложа, с удовольствием потянулся и пошёл составить им компанию.

—Что, опять кино смотрел?—спросила жена, когда дети убежали купаться.

Я взял бутылку с минеральной водой и, согласно кивнув, начал пить нагретую воду большими глотками.

—Надеюсь, ты в порядке?

—В полном!.. Не переживай ты так!—хмыкнул я.—Это даже становится интересным. Как будто смотришь фильм с собственным участием!

—Ладно, артист! Пошли к детям, искупнёмся,—засмеялась жена и, не оборачиваясь на меня, побежала к реке.

Несколько дней ждал продолжения снов, но ничего не было, словно тот, кто всё это показывал, решил дать мне немного отдохнуть, и я, успокоившись, перестал переживать за свою несчастную голову: всё-таки жалко было терять десятилетний полицейский стаж!

Лето, как всегда, проскочило быстро, закончились связанные с ним хлопоты в виде огорода и всевозможных выходов с детьми на природу, в связи с чем свободного времени стало больше. Решив воспользоваться этим подарком, взял несколько дней отгулов и поехал к своему школьному приятелю, который давно уже приглашал меня в гости.

Как всегда, неожиданно нагрянувшая осень заставила власти начать ремонтировать дороги и укладывать новый асфальт, ехать по которому было сплошное удовольствие. Казалось, даже машина идёт мягче и двигатель работает тише и ровнее. Выскочил на мост и сбросил скорость: камеры везде натканы, а на этом мосту они реально работают, так что лучше не рисковать. Чуть добавил громкости на магнитоле и в своё удовольствие катил вслед за КАМАЗом, выдерживая до него солидную дистанцию. Не нравятся они мне: то от них какие-то куски отлетают, то камни вырываются из протекторов, и всё это добро норовит прилететь в твоё лобовое стекло. Жуть, одним словом.

Этот звук я услышал, когда уже перебрался через мост и совсем уже было собрался обойти

КАМАЗ. Звук мне не понравился! Тонкий, противный, похожий на свист, он доносился из динамиков магнитолы и уже начал действовать мне на нервы. Чтобы избавиться от назойливого звука, сначала убавил громкость, а потом и совсем остановил воспроизведение. Звук никуда не делся — напротив, он всё нарастал и нарастал и теперь уже доносился откуда-то сверху. Пришла сторонняя мысль: «Надо бы бросать машину и бежать от неё подальше!.. Иначе точно поймаю какую-нибудь авиабомбу!»

Не успел! Надрывающий душу свист внезапно смолк, и в наступившей тишине прямо передо мной, как в замедленной съёмке, медленно встал на дыбы асфальт. Он поднимался вверх пластами, которые, неторопливо вращаясь, словно красуясь передо мной своей новизной, разлетались в разные стороны и тянули за собой из образовавшейся на дороге ямы острые языки красно-оранжевого пламени. Чтобы не влететь в этот замедленный взрыв, я изо всех сил нажал на тормоз.

Раздался визг тормозов, и машина встала, развернувшись поперёк дороги. Сзади раздался истошный сигнал, и я, поспешно съехав на обочину, остановился. Посидел несколько секунд, приходя в себя, потом заглушил двигатель, включил аварийку и, откинувшись на спинку кресла, задумался: «Что это такое вообще было?! Я опять уснул? Нет, я не спал, я это хорошо помню, да и спать мне не хотелось. Тогда что? Глюки начались?! Вот так вот!.. На ровном месте!.. Наяву!.. Нет, бред какой-то. А если не бред?.. Если не бред, тогда это плохо, очень плохо! Тогда работу точно придётся менять. Если узнают, то безумного опера на работе никто держать не будет!.. Может, всё-таки сходить к этому чёртову психу на приём?»

К врачу я опять не попал, решил всё же ещё подождать и не испытывать судьбу. Знаю я этих лекарей: стоит только попасть к ним — и у тебя тут же обнаруживается куча сопутствующих душевному расстройству заболеваний, от которых надо будет экстренно избавляться.

После этой поездки две недели спал без сновидений. Как всегда, ложился вечером в кровать, закрывал глаза и открывал их уже утром! Вроде бы живи да радуйся, но нет, я вдруг стал ловить себя на мысли, что меня это совершенно не устраивает! Вопреки здравому смыслу, мне вдруг со страшной силой захотелось узнать, чем все эти мои видения закончатся. И, как говорится, накармай.

На работу с обеда я вернулся раньше всех и теперь сидел один в кабинете и наслаждался тишиной.

... — Толь! У тебя как с табачком? Не угостишь? А то я совсем подизносился, — услышал я знакомый голос и, согласно кивнув, вытащил из внутреннего кармана гимнастёрки кисет, открыл его и позвал: — Давай сюда поближе, у меня ещё остался, на пару дней хватит.

Потом достал из того же кармана сложенную в несколько раз газету и, аккуратно оторвав от неё прямоугольный кусочек, согнул его по середине, в образовавшуюся канавку засыпал табак и осторожно начал сворачивать самокрутку, стараясь, чтобы табак не высыпался по краям. Свернул и провёл языком по краешку газеты, склеивая края. Самокрутки у меня всегда получались плотные и крепкие, на зависть всем...

Я вскочил и, с грохотом уронив стул, отошёл от своего стола, за которым только что сидел. Ошалело посмотрел на свои руки и отшвырнул в сторону авторучку, которую до этого крутил в пальцах. Судорожно огляделся. «Твою ж!.. Хорошо, что я один, а то пришлось бы выкручиваться: „А что это вы, товарищ майор, так резво скачете? С вами, наверное, что-то случилось? А может, у вас с головушкой не всё в порядке?“ Зашибись!.. Опять, что ли, началось?» От резкого стука в дверь кабинета вздрогнул и проорал:

— Войдите! Не заперто!

— Андрюха! — заблажил с порога участковый, с которым я поддерживаю приятельские отношения. — Мне надо одного типа опросить, а у нас все столы заняты! Два десятка бабок набежало, и все горят желанием вот этого бедолагу на костёр утащить! Эй! Иди сюда, — высунулся в коридор участковый и посторонился, пропуская в двери невысокого крепкого парня лет двадцати.

— Садись вон за мой стол, — разрешил я, — мешать не буду. Но вкратце расскажи, что случилось.

— Да ничего вроде такого не случилось, — пожал плечами участковый и мотнул головой в сторону парня. — Вот этот вот доморощенный композитор переложил несколько песен военного времени на рэп. Сам написал другую музыку к ним, сам же этот рэп и исполнял. В фойе вон, в кинотеатре...

— Да ты, друг мой, на святое покусились! — хмыкнул я. — Теперь понятно, за что тебя эти бабули сжечь хотят.

— Ну а что я такого сделал? — пожал парень плечами. — Я ни единого словечка местами не переставил, ни одного слова не заменил другим и ничего своего не добавил! Музыка — да, другая, сам написал, сам и играю.

— Зачем тебе это надо? У вас же вроде как у северных народов: что вижу, о том и пою, вернее, говорю. Или, того хуже, набор бессмысленных рифмованных слов.

— Это необычно, и пока бабки не набежали, молодёжи много было, и они слушали! Вот скажите, — повернулся он вдруг ко мне, — вы часто эти песни слышите?

— Нет, не часто, — вынужден был признать я, — в основном в День Победы.

— Правильно! Эти песни почти что и не крутят! А вот рэп молодёжь слушает, нравится он

молодым! А рэп—это слова! Слова, которые слушают и запоминают! А слова в этих песнях, кстати, мощные!

«А чёрт его знает? Может, он и прав!—думал я, с интересом разглядывая невезучего композитора.—Времена, как ни крути, сейчас другие, да и люди, чего греха таить, другими стали. Вместо того чтобы молодому поколению вбивать в голову ужасы войны, мы стыдливо сокращаем в школах часы изучения истории Великой Отечественной войны. Зачем деткам знать о миллионах погибших их соотечественниках? Зачем знать о миллионах изорванных снарядами трупах солдат? О миллионах замученных в концентрационных лагерях детей, женщин, стариков? Зачем?! Это же так страшно! Ни к чему детей пугать. Перестали нашей молодёжи напоминать о войне! Забывать её стали, в результате чего дети, играя в войну, бьют теперь не фашистов, а каких-то выдуманных монстров. А тут ещё и наши западные „друзья“, дошедшие в своей толерантности до идиотизма, всё чаще стали задумываются о том, что фашизм—это не так уж, знаете ли, и плохо...»

—Ну всё, братан, побежал я! Теперь с бабушками воевать за жизнь этого парня буду!—попрощался со мной участковый и, подталкивая в спину музыканта, вышел из кабинета.

Я вздохнул: «И здесь война! Прямо наваждение какое-то!»

Прошло несколько дней, а меня вдруг стало преследовать ощущение, что скоро должно что-то произойти, что-то очень важное, то, чего я уже давно жду, а оно всё никак не происходит.

Вечер был пасмурный и дождливый, делать было решительно нечего, и я решил пораньше лечь спать. К тому же меня не оставляло чувство, что этой ночью опять увижу самого себя и со мной наверняка что-то произойдёт. Хотя я уже привык, что со мной во сне всегда происходят непонятные для меня события. Единственное, что я знал наверняка, так это то, что всё, что мне снилось, относилось к Великой Отечественной войне!

...Выбросили нас удачно! Мы с ходу взяли этот посёлок, практически врукопашную перебив разместившихся в нём фрицев. Но задачу свою пока не выполнили. Нам приказано было уничтожить склад с боеприпасами, который разместился на железнодорожной станции. Остался один рывок, однако сделать его мы не могли. Наш десант был прижат к земле огнём из крупнокалиберного пулемёта, на который мы навалились практически на подходе к станции. Бетонный ДОТ из своей хищной горизонтальной прорези выплёвывал длинные струи свинца, не давая возможности даже поднять голову.

Я завалился в удачно подвернувшуюся канавку и лежал, не решаясь поднять голову, буквально

всем телом ощущая, как надо мной мечутся в поисках своей жертвы пули. Они с остервенением вгрызались в мёрзлую землю, словно хотели убить её за то, что она меня укрывала.

Шло время, шло очень быстро. Буквально лето! А это было очень и очень плохо. Из соседнего городка на помощь уничтоженному нами гарнизону уже наверняка мчалась подмога, которой мы противостоять, скорее всего, уже не сможем. Надо было что-то делать! Надо было преодолевать этот ДОТ!

Вообще-то я уже знал, что надо было делать. Я лежал ближе всех к нему, всего метрах в двадцати. Надо было только бросить гранату. Но бросить её так, чтобы она влетела через амбразуру вовнутрь. Иначе толку никакого не будет. Я перевернулся на спину и посмотрел в удивительно синее и чистое небо. Оно было настолько чистым и ярким, что я непроизвольно задержал дыхание.

Для того чтобы бросить гранату, надо встать. И не просто приподняться и бросить, а именно встать. Встать и бросить гранату так, как когда-то я бросал с сыном камешки на озере. Мы с ним искали плоские камешки, а потом кидали их, чтобы они рикошетили своей поверхностью от воды. А мы вслух считали, сколько раз камешек коснётся поверхности озера. И вот точно так же надо было бросить и гранату. Встать и бросить!.. Встать и бросить!.. Это ведь совсем не страшно и так просто. Взять и встать... Я улыбнулся, вспомнив, как сын смеялся, когда у него получался удачный бросок, и рванул вверх...

У меня всё получилось. Всё было сделано как надо. Быстро и точно. Я не промахнулся! Я даже успел увидеть, как граната серым комочком врезалась в темноту амбразуры.

И вдруг я увидел себя со стороны. Увидел, как я неторопливо поднимаюсь на ноги, медленно склоняюсь вправо, размахиваюсь и кидаю в сторону ДОТа... плоский камешек. Уйти от пулёмётной очереди не успел. С ясно осознаваемой тоской я видел, как ко мне из чёрной щели огневой точки понеслись пули. Но грохота пулёмётных очередей слышно не было. И я уже понял почему... Пулёмётчик тоже не промахнулся... Пули вошли в моё тело, и оно плавно опустилось на землю, глядя в небо застывшими глазами. Я перевёл взгляд со своего мёртвого тела на ДОТ и увидел, как из амбразуры вырвался огненный вихрь...

И я улыбнулся... Я справился... Я люблю тебя, сынок!..

Несмотря на утреннюю прохладу разгулявшейся осени, я в одних трико стоял на балконе и смотрел в умытое ночным дождём небо. Оно было необыкновенно ярким и чистым. Я уже видел такое небо. Видел и запомнил его. И никогда уже не забуду! На душе у меня было спокойно, спокойно и грустно. Я знал, что мои сны закончились и что

они больше не будут меня тревожить. Как будто мне было показано то, что я должен был увидеть. Обязательно должен был!

Этот сон был последним! Он был настолько реальным, что до сих пор дух захватывало. Он не был похож на те фантастические, раскрашенные сны, после которых оставалось странное чувство недоумения и тревоги. Этот сон вызывал грусть, грусть оттого, что меня убили...

Зазвонил телефон, и я, вернувшись в дом, снял трубку.

— Виктор Анатольевич, — раздался женский голос, — вас беспокоят из городской библиотеки. У нас завтра будет проходить концерт художественных коллективов, и вы приглашены как наш активный читатель!

— Вы набрали не тот номер! Я Андрей Викторович! А вам нужен мой отец... — начал было я и замолчал.

Я не знаю, сколько прошло времени, когда я вдруг обратил внимание на то, что стою возле стола и держу в руках трубку. Машинально поднёс её к уху и, услышав короткие гудки, осторожно положил на стол. Мне всё стало понятно, как будто сложился пазл, который никак не хотел складываться. А тут вдруг появилась недостающая частичка, и всё встало на свои места! И этой частичкой стало отчество моего отца — Анатольевич! Имя моего деда!

Медленно опустившись в кресло, задумался. Виктор Анатольевич — мой папа. Анатолий Васильевич — мой дед, который пропал без вести

на фронте во время войны. Я, наверное, каким-то непостижимым образом смог увидеть, как погиб мой дед... нет, не так! Я увидел какие-то фрагменты его жизни и те моменты, когда он мог погибнуть, но не погиб.

Отсюда и его возможный расстрел. Папа рассказывал, что дед действительно был сыном русского дворянина, который пропал в смутное революционное время. Сам дед работал инженером на военном заводе. Имел бронь, но однажды оперативник из особого отдела предупредил его о том, что, если он срочно не уйдёт на фронт, за ним придут как за сыном дворянина. Его тогда не арестовали, он успел уйти на фронт. Но это могло быть!

А ещё я слышал, как меня называли по имени там, во сне! Но не придавал этому значения. А потом я, наверное, по прихоти жизни, или судьбы, или чего-то ещё, пережил все те эпизоды, которые пережил и мой дед. Кроме того, последнего раза, когда он увидел яркое небо и вспомнил своего сына... моего отца.

Я много раз держал в руках и разглядывал пожелтевший листок бумаги с неровным машинописным текстом, который гласил о том, что мой дед Анатолий Васильевич, парашютист-десантник, пропал без вести в 1944 году.

А может, это были только сны, и ничего больше? Но мне хочется верить, что это не так.

Я тебя помню... дед!